

БОГОСЛОВИЕ

ПРОТОПРЕСВИТЕР АЛЕКСАНДР ШМЕМАН: ЛИТУРГИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ СИМВОЛА

Михаил Степанович Иванов

доктор богословия
заслуженный профессор Московской духовной академии
Московская область, Сергиев Посад, Академия
mashburo-mda@yandex.ru

Для цитирования: *Иванов М. С.* Протопресвитер Александр Шмеман: литургическое богословие символа // Богословский вестник. 2021. № 3 (42). С. 56–68. DOI: 10.31802/GB.2021.3.41.003

Аннотация

УДК 27-1

В статье предпринимается попытка актуализировать богословское понятие «символ», существующее в литургическом богословии. Эта попытка осуществляется автором на базе имеющихся по этой теме материалов, опубликованных протопресвитером (1953–1970 гг. протоиереем, 1946–1953 гг. священником) Александром Шмеманом, известным богословом и литургистом Православной Церкви. В своих публикациях отец Александр выражает озабоченность по поводу того, что литургический термин «символ», широко использовавшийся в христианской Церкви уже с древних времён и являвшийся ключевым понятием в богословии и в литургической практике с середины второго тысячелетия, стал трансформироваться и приобретать несвойственные ему значения, что оказало негативное влияние на литургическую жизнь Церкви в целом, и особенно на понимание Евхаристии. Со временем термин «символ» стал терять своё богатое онтологическое содержание и приближаться к понятию «знак». Это понятие усвоено символу во многих современных толкованиях литургической жизни.

Ключевые слова: символ, знак, Церковь, Евхаристия, Литургия, образ, иносказание, аллегория, метафора, прп. Максим Исповедник, мистагогическое богословие, эсхатологический символизм.

Поводом к написанию статьи послужило получившее широкое распространение в христианских кругах понимание термина «символ», которое сводится к тому, что этот термин всё чаще стали отождествлять с термином «знак», в результате чего продолжается процесс редукции символа, сведения его к рациональным категориям. Это, в свою очередь, по выражению прот. А. Шмемана, привело к «обесцениванию» символа¹. Теперь символ лишь «означает» (этот глагол происходит от существительного «знак»), т. е. лишь свидетельствует о реальности, а не содержит её в себе и не передаёт её. Это создаёт «иллюзию общепонятности символа, лёгкости его восприятия»². Попутно отметим, что по этому же «лёгкому» пути пошли и те, кто слово «символ» стал воспринимать почти как синоним понятий «образ», «иносказание», «аллегория», «метафора».

1. Церковь — небо на земле

В результате такое, например, древневизантийское символическое выражение, как «Церковь — небо на земле», каждый толкует на свой лад. Одни называют этот афоризм иносказательным; другие — символическим; третьи — образным; четвёртые — аллегорическим; пятые — метафорическим. Однако, понятия: «иносказание», «символ», «образ», «аллегория», «метафора», от которых происходят перечисленные прилагательные, не являются синонимами, а имеют свои, присущие только им значения. Поэтому желание привести анализируемое словосочетание в смысловое соответствие с каждым из этих понятий неизбежно приводит к противоречиям или вообще заводит в тупик. Примечательно, что даже те, кто удерживает за этим древнехристианским афоризмом прилагательное «символический», не следуют византийской традиции толкования этого символа, а тоже объясняют его в категориях «знака». В этой связи вспоминается высказывание А. Ф. Лосева об ограниченных возможностях знака, в познавательном процессе всего лишь указывающего на что-либо. Философ замечает:

- 1 Шмеман А., прот. Таинство и символ. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/tainstvo-i-simvol/
- 2 Иванов М. К вопросу о богословии символа // Он же. Богословский сборник. М., 2011. Т. 1. С. 53.

«Мало ли что указывает на что-либо другое? Ключ указывает на замок, для которого он сделан. Дверь указывает на то, что через неё можно пройти из одного помещения в другое. Печная труба на крыше указывает на то, что в этой избе находится или должна находиться печь. Всё это является знаками стабильными, неподвижными, однообразными, не влияющими на человеческую волю и не зовущими к изменению действительности. Это — мёртвые знаки»³.

«Они указывают, означают, но не символизируют»⁴.

2. История термина «символ»

Протопресвитер Александр Шмеман прослеживает историю термина «символ», начиная с древневизантийской традиции его употребления. При этом к своему исследованию он предпосылает необычное введение, обращённое к тем литургистам, которые будут заниматься аналогичной работой. В нём протопресвитер Александр настоятельно рекомендует им при использовании в своей работе многочисленных «греческих, русских, сербских и др. толкований» православного богослужения, «где каждый литургический акт, да и всё богослужение в целом объясняются, прежде всего, как *символические изображения*»⁵ (курсив протопресв. А. Шмемана), учитывать тот факт, что эти толкования были написаны в ту эпоху, когда понимание символа уже претерпело значительную трансформацию и когда византийскому богослужению, по замечанию прот. Александра, стали «приписывать» чисто внешний символизм⁶. Такой символизм прост в понимании, доступен и вообще не создаёт при его толковании никаких проблем, а сам, по замечанию отца Александра,

«символ сведён здесь к иллюстрации, цель которой можно определить как педагогическую или образовательную»⁷.

3 Лосев А. Ф. Логика символа // Контекст – 1972. Литературно-теоретические исследования. М., 1973. С. 190.

4 Иванов М. К вопросу о богословии символа. С. 54.

5 Шмеман А., протопресв. Символы и символизм в византийском богослужении // Он же. Богословие и богослужение. Сборник статей. М., 2017. С. 419.

6 Там же.

7 Там же. С. 420.

При этом, продолжает о. Александр,

«Божественная Литургия для всех толкователей есть, в сущности, символическое “изображение” жизни и земного служения Христа, от рождения в Вифлееме до славного Его Вознесения на небо»⁸.

3. Литургический символизм

Далее, прослеживая почти каждый литургический момент, отец Александр обнажает существенное расхождение такого символизма с тем, что реально происходит во время совершения Евхаристии. Не имея возможности в рамках данной статьи последовать за отцом Александром во всех его евхаристических наблюдениях, остановимся хотя бы на некоторых из них. Так, «Малый вход», как отмечает А. Шмеман, согласно современным символическим толкованиям, «изображает» «символ <...> явления (Христа. — М. И.) миру»⁹. Почти то же самое мы читаем и в самих толкованиях. В «Новой Скрижали» архиепископа Вениамина относительно Малого входа сказано:

«Христос жил не в одном только Иерусалиме и не в одном этом городе проповедовал Евангелие, но входил и в другие веси и грады, как Сам сказал: “идем в ближния веси и грады, да и тамо проповедь: на сие бо изыдох” (Мк. 1, 38). Для изображения сего священник, неся на руках святое Евангелие, выходит из алтаря...»¹⁰.

При этом в толковании даже не упоминается молитва, которую каждый священник произносит во время совершения им Малого входа. Обращаясь к Богу, он просит:

«Владыко Господи Боже наш, уставивый на небесах чины и воинства Ангел и Архангел в служение Твоея славы, сотвори со входом нашим входу святых Ангелов быти, сослужащих нам и славословящих Твою благость» (подчёркнуто мной. — М. И.).

Эта молитва относится к числу тайносовершительных, так что молящиеся в храме её не слышат. Если они знакомы с современными

8 Шмеман А., протопресв. Символы и символизм в византийском богослужении // Он же. Богословие и богослужение. Сборник статей. М., 2017. С. 420.

9 Там же.

10 Вениамин, архиеп. Новая Скрижаль. СПб., 1908. С. 180–181 (приводится в современной орфографии).

символическими толкованиями Литургии, то из них они могут вспомнить совершенно иное объяснение этого евхаристического момента. Авторы таких толкований, как уже было отмечено, комментируют Малый вход священника как выход Христа на общественное служение, предлагая, тем самым, молящимся всего лишь вспомнить в этот момент о том, что происходило в Палестине 2000 лет тому назад. Они как будто не замечают содержания этой чрезвычайно важной молитвы Малого входа, которая не может произноситься без священного трепета и благоговейного дерзновения, потому что с этого момента «ангельский собор и человеческий род» начинают свое совместное богослужение. О совместном евхаристическом богослужении говорит и молитва, поемая за Литургией Преждеосвященных Даров:

«Ныне силы небесныя с нами (подчёркнуто мной. — М. И.) невидимо служат».

Символический смысл этих молитв самоочевиден: он ни на что не «указывает» и ничего не «обозначает». Он с предельной ясностью говорит о совместном богослужении, совершаемом людьми и ангелами.

Эти примеры, взятые из литургической практики, показывают, что в современном христианском понимании слов «символ», «символический» скрывается не какая-то безобидная, всего лишь филологическая ошибка. В этой связи отец Александр замечает:

«В дополнение ко всему другому, произошедшему за долгую историю развития христианского богословия, самым трудным и трагическим событием стало разрушение первоначального христианского понимания символа»¹¹ (подчёркнуто мной. — М. И.).

Не может не вызывать удивления тот факт, что «разрушение» происходило при полном забвении изначального древнегреческого смысла этого слова, которое как раз и заключает в себе «зерно» истины. О. Александр пишет:

«Слово “символ” происходит от греческого глагола *symballo*, что означает “совпадение”, “соединение”, “слияние”»¹².

При этом он оговаривается:

- 11 Штеман А., прот. Литургия, символ и таинство // *Он же*. Богословие и богослужение: сборник статей. С. 292.
 12 Там же. С. 293.

«Но несмотря на приведённую дефиницию, “символ” на деле не поддаётся определению. Его можно понять больше на уровне интуитивном. В нём соединяются две реальности. Можно также сказать, что одна реальность выражается через другую реальность»¹³.

4. Мистагогическое богословие прп. Максима Исповедника и евхаристические символы литургии

Само собой разумеется, что отец Александр, говоря об интуитивном понимании символа, имеет в виду не его интеллектуальное или философское понимание, а понимание богословское, или, выражаясь языком прп. Максима Исповедника, у которого богословие таинств постоянно находилось в центре внимания, — понимание мистериальное или мистагогическое, ибо, как отмечает С. С. Аверинцев,

«символ нельзя дешифровать простым усилием рассудка»¹⁴.

Противопоставляя содержание термина «символ» содержанию термина «знак», протопресвитер Александр пишет:

«Символ указывает на то, что одна реальность может не только означать другую реальность, но и являть и передавать её нам, и поэтому символ — больше, чем знак. Я знаю, что химическая формула H_2O означает воду, хотя никакой воды в самой формуле нет. У символа нет подобных ограничений; он участвует в той реальности, на которую указывает. Символ не просто умозрительен и воображаем, — он — онтологичен и экзистенциален. Это — реальность, которая во всей полноте выражается через другую реальность (подчёркнуто мной. — М. И.). К тому же мы можем сказать, что символ — такое выражение другой реальности, которое не может быть заменено ничем другим»¹⁵.

Иными словами, отец Александр утверждает, что как отдельный символ, так и символика вообще не создаются произвольно, так сказать, по общему согласию.

13 Шмеман А., прот. Литургия, символ и таинство // Он же. Богословие и богослужение: сборник статей. С. 293.

14 Аверинцев С. С. Символ // БСЭ. 1976. Т. 23. С. 385–386.

15 Шмеман А., прот. Литургия, символ и таинство. С. 294.

«Символ возникает не просто как результат договорённости, когда люди собираются вместе и решают, что первым способом передачи благодати в христианстве будет вода крещения. Мы не можем это сказать, т. к. вода первичнее любого богословия или теории крещения. Вода, я бы сказал, вечна. И она — адекватный символ того, что было исполнено Христом в Крещении»¹⁶.

Одновременно в истории литургического символизма наблюдается парадоксальная ситуация. По мере того, как символ, отступая от древней традиции, редуцируется, т. е. «сужается» в своём значении почти до знака, увеличивается количество самих символов. И хотя авторы литургических толкований, естественно, не разрабатывают совместную символическую методологию, их подход к толкованию Литургии существенно меняется. В его основу полагаются, как отмечает отец Александр, «символические изображения».

Это «действия, которые “изображают”, “обозначают” и, таким образом, “символизируют” нечто другое (подчёркнуто мной. — М. И.). Такой символизм особенно тщательно разработан в толкованиях <...> совершения Евхаристии, которая становится теперь, — как ранее уже было отмечено, — всего лишь символическим “изображением” жизни и земного служения Христа <...> Проскомидия, т. е. обряд приготовления евхаристических даров из хлеба и вина — символ Христова рождения; так называемый “малый вход” — символ Его явления миру; “великий вход”, или шествие с дарами к престолу, — символ погребения Христа и его торжественного входа в Иерусалим и т. д. Эти символические объяснения различаются лишь по уровню сложности и разработанности, внимания к деталям и распространения даже на второстепенные и незначительные обряды. Порой они противоречат друг другу; то же действие <...> великого входа (например. — М. И.) может иметь два и более совершенно несовместимых символических значения»¹⁷.

Умножая количество символов, поствизантийские толкователи Литургии в то же время оставляют без внимания те, несравненно более важные символы, которые у святых отцов и, в частности, у прп. Максима Исповедника, находятся в центре их литургических толкований. Как отмечает протопресв. А. Шмеман,

16 Шмеман А., прот. Литургия, символ и таинство. С. 294.

17 Шмеман А., протопресв. Символы и символизм в византийском богослужении. С. 420.

признавать эти символы «в контексте сегодняшнего противопоставления “символического” и “реального” было бы явной ересью»¹⁸.

Действительно, кто сегодня согласится назвать Тело и Кровь Христовы «символами»? А так их называл не кто иной как прп. Максим Исповедник¹⁹, из-за того, что Тело и Кровь соединяют (συμβάλλουσι) нас со Христом.

Основную причину противопоставления «символического» и «реального» прот. А. Шмеман усматривает в том влиянии, какое в течение длительного времени на православное богословие оказывало богословие западное с присущим ему рационализмом. В этой связи пишет отец Александр:

«Термин “символ” я знаю в двух основных “воплощениях” — восточном и западном. Правда, западное понимание символа также было довольно популярно на Востоке в последние пару сотен лет, благодаря нашему “озападенному” богословию. Но когда я думаю о символе, то вижу, что в западных языках сегодня это слово означает, в первую очередь, нечто противоположное реальности. Когда на Западе мы называем что-то символическим, то представляем это чем-то не вполне реальным. Весь спор Востока и Запада о Евхаристии, например, сосредоточен на этом»²⁰.

По поводу же символических объяснений прп. Максима протопресв. Александр отмечает:

«множество, если не (их. — *М. И.*) большинство <...> имеют прецеденты в более ранних памятниках»²¹.

Однако главной заслугой Преподобного было то, что

«именно он, объединив их в согласованное целое, в значительной степени подготовил конечное торжество символизма как наполнения формы и духа византийской Литургии, а значит, дал нам уникальный ключ к пониманию такого символического толкования»²².

Этот «ключ» помогает нам открыть и ещё один символ, которым является Церковь, ибо она, — поистине «небо на земле», что оправдывают

18 Шмеман А., протопресв. Символы и символизм в византийском богослужении. С. 432.

19 Шмеман А., прот. Таинство и символ. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/tainstvo-i-simvol/

20 Шмеман А., прот. Литургия, символ и таинство. С. 291.

21 Шмеман А., протопресв. Символы и символизм в византийском богослужении. С. 421.

22 Там же.

изумительные по своей глубине и одухотворённости слова свт. Иоанна Златоуста:

«что мне до неба, когда я созерцаю Владыку неба, когда сам становлюсь небом?»²³.

Более того, в древнехристианской литургической традиции Сам Христос — тоже Символ. О. Александр пишет:

«Он пришёл, чтобы стать символом той одной истинной реальности, в которой всё содержится; символом, который выражает всё — от творения до исполнения, когда Он воистину станет “всё во всём” (1 Кор. 15, 28)»²⁴.

«Ключ» прп. Максима Исповедника помогает нам открыть не только литургическую символику, но и вообще христианский символизм. В качестве примера можно остановиться на символике православной иконы, тем более что икона как символический образ присутствует в литургическом контексте.

5. Символика православной иконы и «восход на небеса»

Из истории иконопочитания нам известно, что защита икон строилась на противопоставлении позиций защитников икон и иконоборцев. Если последние, т. е. иконоборцы, видели в иконе только «дерево и краски», поклонение которым и их почитание воспринималось ими как идолопоклонство, то первые, т. е. иконопочитатели, ссылаясь на постановление седьмого Вселенского собора, свидетельствовали, что их поклонение иконе всегда «восходит к первообразу», т. е. к тому, кто на иконе изображен. Однако однозначное объяснение словосочетания «восходить к первообразу» в литургической литературе мы едва ли найдём. Комментируя это словосочетание, обычно говорят о духовной и молитвенной устремлённости иконопочитателя к тому, кто в реальности находится на небесах. При таком толковании, естественно, возникает вопрос: если к первообразу мы «восходим» на небеса, то что, кроме «дерева и красок», находится в иконе? Пытаясь разобраться в этом

23 *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы на послание к Евреям. Беседа 16, 3 // *Он же.* Творения в русском переводе. СПб., 1906. Т. 12. Кн. 1. С. 146 (название и текст приводятся в современной орфографии).

24 *Штеман А., прот.* Литургия, символ и таинство. С. 301.

вопросе, сначала ещё раз остановимся на словосочетании «восходить на небеса». Оно настолько широко приобрело пространственные характеристики, что мы уже не удивляемся, когда при его объяснении для придания большей выразительности иногда делают жест рукой по направлению к небу, тем самым как бы указывая, куда должен устремляться взор человека, находящегося на молитве. Большая ошибка, допускаемая в таких случаях, заключается в том, что молящийся нарушает одно из главных требований, предъявляемых к молитве: молитва должна быть безвидной и безобразной. Аскетические требования категорически запрещают составлять образы на молитве или искать такие образы где-либо, даже на небесах. «Восходить к первообразу» — это значит, как свидетельствует Св. Писание, «положить» (т. е. совершить) «восхождение в сердце своем» (Пс. 83, 6). И здесь мы снова встречаемся с символом, в качестве которого выступает иконописный образ, символически соединяющий «в сердце» молящегося его самого с тем, кто на иконе изображён. «Символически соединяющий» — это не иносказание, а реальность, а икона — не «дерево и краски», а благодатная святыня, посредством которой мы соединяемся (συμβάλλόμεθα) с тем, кто на иконе изображён. Здесь нет никакого, как выражается отец Александр, «иллюстративного символизма»²⁵.

6. Эсхатологический символизм

Особого внимания заслуживает введённое прот. А. Шмеманом понятие «эсхатологический символизм». Оно, как полагает отец Александр, наиболее полно отражает то

«переживание, которое формировало, поддерживало и сохраняло основополагающий чин византийского богослужения»²⁶.

Комментируя прилагательное «эсхатологический», прот. А. Шмеман отмечает, что он

«подразумевает веру, центральную и нерушимую веру раннехристианской общины в то, что через пришествие Христа, Его жизнь, смерть и Воскресение из мертвых, Вознесение на Небеса и ниспослание Им Духа в день Пятидесятницы наступил День Господень, что этот провозвещенный пророками *День Ягве открывает собой*

25 Шмеман А., протопресв. Символы и символизм в византийском богослужении. С. 433.

26 Там же. С. 437.

новый эон Царства Божия (курсив автора). Верующие во Христа, продолжая жить в прежнем эоне, в том мире, который в Новом Завете называется “миром сим”, принадлежат вместе с тем к эону новому, ибо соединенные со Христом и помазанные Духом Святым наделены в них новой и вечной жизнью и силой побеждать грех и смерть. Способ присутствия в этом мире “мира грядущего”, Царства Божия, есть Церковь — община соединенных со Христом и в Нем друг с другом»²⁷.

Благодаря эсхатологическому символизму, отмечает отец Александр,

«мы можем сказать, что Литургия *происходит с нами*» (курсив автора) и что она «есть восхождение Церкви к Трапезе Христовой в Его Царстве»²⁸.

Именно это давало основание древним христианам символически называть Церковь — «небом на земле».

Выводы

В заключение необходимо отметить, что проблема литургического символа, которой протопресвитер Александр Шмеман уделил значительное внимание, это проблема не только и не столько языка и терминологии литургического богословия, сколько проблема христианской онтологии и экзистенции. Всесторонне, объективно и глубоко анализируя символ, отец Александр показал, что мы, как христиане, должны не просто «присутствовать» на Литургии, последовательно вспоминая, что «означает» то или иное евангельское событие, но молитвенно участвовать в ней и даже жить ею, жить в том новом эоне, в который с помощью символов Литургия нас вводит, и, находясь на Земле, «восходить» в то Царство славы, которое Христос уготовал любящим Его.

Источники

Вениамин, архиеп. Нижегородский и Арзамасский. Новая Скрижаль, или Объяснение о церкви, литургии и всех службах. Издание семнадцатое. СПб.: Изд. книгопродавца И. Л. Тузова, 1908.

27 Шмеман А., протопресв. Символы и символизм в византийском богослужении. С. 437.

28 Там же. С. 440.

- Иоанн Златоуст, свят.* Беседы на послание к Евреям. Беседа 16 // *Он же*. Творения в русском переводе. СПб.: СПбДА, 1906. Т. 12. Кн. 1. С. 143–149.
- Шмеман А., прот.* Литургия, символ и таинство // *Он же*. Богословие и богослужение: сборник статей. М.: Гранат, 2017. С. 286–310.
- Шмеман А., прот.* Таинство и символ. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/tainstvo-i-simvol/ (дата обращения 04.09.2021).
- Шмеман А., протопресв.* Символы и символизм в византийском богослужении // *Он же*. Богословие и богослужение. Сборник статей. М.: Гранат, 2017. С. 418–442.

Литература

- Аверинцев С. С.* Символ // БСЭ. 1976. Т. 23. С. 385–386.
- Иванов М.* К вопросу о богословии символа // *Он же*. Богословский сборник. М.: ДеЛи плюс, 2011. Т. 1. С. 48–57.
- Лосев А. Ф.* Логика символа // Контекст — 1972. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1973. С. 182–217.

Protopresbyter Alexander Schmemmann: The Liturgical Theology of the Symbol

Mikhail S. Ivanov

Doctor of Theology

Professor Emeritus of the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

mashburo-md@yandex.ru

For citation: Ivanov, Mikhail S. "Protopresbyter Alexander Schmemmann: The Liturgical Theology of the Symbol". *Theological Herald*, no. 3 (42), 2021, pp. 56–68. DOI: 10.31802/GB.2021.3.41.003

Abstract. The article attempts to actualize the theological concept of «symbol» that exists in liturgical theology. This attempt is carried out by the author on the basis of materials available on this topic published by Protopresbyter (1953–1970, Archpriest, 1946–1953, Priest) Alexander Schmemmann, a renowned theologian and liturgist of the Orthodox Church. In his publications, Father Alexander expresses concern that the liturgical term «symbol», which has been widely used in the Christian Church since ancient times and which has been a key concept in theology and liturgical practice since the middle of the second millennium, has begun to transform and acquire uncharacteristic meanings which had a negative impact on the liturgical life of the Church in general, and especially on the understanding of the Eucharist. Over time, the term «symbol» began to lose its rich ontological content and approach the concept of «sign». This concept is adopted by the symbol in many modern interpretations of liturgical life.

Keywords: symbol, sign, Church, Eucharist, Liturgy, image, allegory, metaphor, St. Maxim the Confessor, mystagogical theology, eschatological symbolism.

References

- Averincev S. S. (1976) “Simvol” [“Symbol”]. *Bol'shaya sovetskaya enciklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia], vol. 23, pp. 385–386 (in Russian).
- Ivanov M. (2011) “K voprosu o bogoslovii simvola” [“On the Question of the Theology of the Symbol”], in M. Ivanov. *Bogoslovskij sbornik* [Theological Collection]. Moscow: DeLi plus, vol. 1, pp. 48–57 (in Russian).
- Losev A. F. (1973) “Logika simvola” [“The Logic of the Symbol”], in Ya. E. Elsberg (ed.) *Kontekst — 1972. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya* [Context — 1972. Literary and Theoretical Research]. Moscow: Nauka, pp. 182–217 (in Russian).
- Schmemann A. (2017) *Bogoslovie i bogosluzhenie: sbornik statej* [Theology and Worship: A Collection of Articles]. Moscow: Granat (in Russian).
- Schmemann A. (2021) *Tainstvo i Simvol* [Mystery and Symbol], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/tainstvo-i-simvol/ (4.09.2021) (in Russian).